

в знаменитых образах новые черты и краски. Это относится и к такой трудной роли, как образ шурина Оргона Клеанта, для которого Апри Роллан нашел выразительную форму, отмеченную тонким ощущением стиля.

Молодые актеры Андре Фалькон, Жан-Луи Жемма и Мишелин Будэ также играют в духе лучших традиций театра, внося в свое исполнение молодую горячность, увлеченность и обаяние.

Даже в небольших ролях судебного пристава Лояля и офицера актеры Жан Мейер и Луи Эймон нашли яркую характерность и обрели достойное место в общем ансамбле этого замечательного спектакля.

Представление заканчивается «Словом к Мольеру». Актеры Жан Ионель, Жан Мейер и Беатрис Бретти с глубоким волнением читают тексты, посвященные Мольеру, вкладывая в них всю свою любовь к великому драматургу, создателю национального театра Франции.

Первый спектакль театра «Комеди франсез» был воспринят нашим зрителем необычайно радушно.

Возволнованно прозвучали со сцены Малого театра прочитанные французским актером слова, обращенные к великому комедиографу: «Мы любим Мольера, как живого человека... кто любит его — наш друг...».

Хочется ответить на эти слова — мы всегда горячо любили творчество великого Мольера, мы полюбили ваше искусство, замечательные актеры «Комеди франсез», посланцы французского народа, мы ваши искренние друзья!

С. Межинский,
народный артист РСФСР.

НА СНИМКЕ: сцена из 2-го действия. Дорина — артистка Б. БРЕТТИ, Оргон — артист Л. СЕНЬЕ, Марианна — артистка М. БУДЭ.

Фото А. БАТАНОВА (ТАСС).

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА ФРАНЦУЗСКОЙ КОМЕДИИ

Бессмертное произведение Мольера

ПЕРВЫЙ спектакль театра «Комеди франсез» вызвал огромный интерес самых широких слоев наших зрителей. Произведения Мольера, Балзака, Бомарше, Гюго, Ростана издавна украшали сцены наших театров. Великие французские писатели всегда были дороги нашему зрителю. Пушкин, Гоголь, Лев Толстой и Белинский преклонялись перед гением Мольера. «Бессмертный «Тартюф» — плод самого сильного напряжения комического гения», — писал А. С. Пушкин.

Создатель реалистической школы русского театра великий Шенкин, замечательно игравший в мольеровских пьесах, с большим интересом относился к творчеству современных ему французских актеров. В его пьесах мы находим вдумчивые и тонкие суждения об игре французских актрис Рашель, Плесси и Вольеи.

Великая Рашель подарила Шенкину рукопись трагедии «Эсфирь» с надписью: «Дар великому комедионому артисту г. Шенкину от умеющей думать трагической актрисы Франции Рашель».

Шенкин в свою очередь полнее ей текет «Скупого рыцаря» с портретом Пушкина. В этом эпизоде отражается взаимная творческая дружба, которая задолго связала деятелей русского и французского театров.

Русские актеры всегда работали над образами Мольера с огромным воодушевлением. Станиславский, посвятив свою последнюю работу Мольеру, старался вернуть произведению великого комедиографа — «Тартюф» его глубокую народность и простоту, борясь с казойливыми штампами, засорившими некоторые постановки

пшес Мольера грубыми ремесленными приемами.

«Тартюф», показанный на сцене Малого театра актерами «Комеди франсез», не застыл в музейной неподвижности, не утратил со временем своей свежести и новизны. Гениальное произведение великого французского писателя не стареет на сцене театра «Комеди франсез» благодаря искренности и непосредственности актерского исполнения, большой увлеченности, с которой актеры ведут свои роли, глубоко проникая в смысл и существо образов. Прекрасные традиции театра — это не выцветшие в поколениях актерские, приспособленные, холодные и выхоленные приемы; нет, актеры обогащают традиции своих предшественников и дают новую жизнь бессмертным образам Мольера.

Режиссер Леду поставил спектакль просто и лаконично, избегая внешней суеты, мизансценической пестроты, прибегая только к самым необходимым, строго отобранным сценическим деталям, помогая актерам точными, скрутыми и выразительными мизансценами.

Строгий стиль высокой комедии выдержан во всем, начиная с актерского исполнения и кончая декорациями и костюмами. Все несет отпечаток большой театральной культуры, тонкого вкуса и артистичности, без тени стилизации, шаржа или внешнего комизма.

Режиссер сосредоточивает все внимание зрителя на актерах, которые показывают в этом спектакле большое мастерство, прежде всего в области сценической речи. Актеры играют внешне необычайно сдержанно и

скупое, вкладывая весь свой темперамент в слово, добываясь необычайной экспрессии, остроты мысли, легкости и непринужденности диалога.

Многие сцены спектакля могут служить образцом сценической речи, отточенной и выразительной, богатой тончайшими психологическими нюансами и оттенками. Все это не служит актерам «Комеди франсез» самоцелью, а является оловным средством раскрытия образов.

Одна из таких, лучших в спектакле сцен — эпизод объяснения Тартюфа с Эльмирой. Вся эта большая сцена ведется почти без изменений мизансцены, но диалог актеров настолько внутренне насыщен, что привлекает к себе внимание зрителей, неотрывно следящих за поведением Эльмиры и Тартюфа. В этой сцене сочетаются огромная внутренняя напряженность, стремительность и экспрессия диалога со скупостью мизансцены и движений актеров. Именно в этой сцене талантливый актер Жан Ионель с наибольшей полнотой раскрывает все существо Тартюфа, его хищное нутро, неискренность и изворотливость этого авантюриста. Перед нами не мягкий лгуун, нет, это фигура злобная, олдшая, им владеют сильные страсти, он полонней страшен и омерзителен. Очень выразительны крикливо, настойчивые интонации Жана Ионеля, его тонкие руки, жадно и упорно тянущиеся к Эльмире, взгляд его острых, колючих глаз, неотступно следящих за своей жертвой. Все это создает мрачный образ жадного и жестокого человека, обуреваемого самыми низменными страстями.

Как сосредоточенно и настороженно слушает Тартюфа Эльмира — Ан-

ни Дюко, тонко воспринимая каждый оттенок его лицемерных речей. Кстати, это большое и сложное умение слушать своих партнеров отличает всех актеров прекрасного ансамбля «Комеди франсез». Анни Дюко играет роль Эльмиры необыкновенно изящно и точно. Перед нами предстает француженка, полная обаяния, грации, большого женского достоинства и благородства. Решающую сцену с Тартюфом, которую Эльмира играет для спрятанного под столом Оргона, актриса проводит с блистательной актерской техникой и искренностью. Мы ясно видим, как ей неприятна необходимость вести эту сцену объяснения Тартюфа, как омерзительна ей его притязания, с каким трудом сдерживает она свой гнев и возмущение, чтобы, наконец, сорвать маску святости с преследующего ее негодаяя. И с каким облегчением она вздыхает, когда ее муж Оргон видит, наконец, подлинное лицо Тартюфа!

Артист Луи Сенье в роли Оргона без тени комикования, серьезно и искренне переживает все события пьесы. Это добродетельный семьянин и буржуа, попавший на удочку Тартюфа, вначале глубоко убежденный в его святости, затем также глубоко переживает крушение своего идеала. Вся эволюция образа Оргона артист Луи Сенье передает достаточно убедительно.

Ту же тему преклонения перед Тартюфом, убежденности в его святости очень темпераментно и действительно

открывает актриса Берг Боли в роли госпожи Пернель, матери Оргона. В своем первом выходе она как бы дает тон спектаклю, определяя его активность, экспрессию и стремительный темп. Эта одна из старейших актрис «Комеди франсез» сумела сохранить молодой актерский темперамент, страстность и воодушевленность исполнения, создавая один из самых колоритных образов в спектакле.

Беатрис Бретти, играя горячую Дорину, нарушила привычную манеру исполнения этой роли, счастливо избежав показа обычной театральной субретки, внося в роль черты народного характера, оттеняя любовь и теплоту, с которой Дорина относится к членам семьи Оргона. От Дорины Беатрис Бретти веет чистотой и непосредственностью, хорошим, крепким народным юмором, жизнерадостностью и смелостью, с какой она вступает в пререкания с самим хозяином дома, отстаивая счастье своей любимцы Марианны. Образ Дорины в исполнении Беатрис Бретти засверкал поэзии неожиданными красками — в нем обаялились живые реалистические черты настоящей дочери народа, умницы, обладающей добрым и преданным сердцем. Такое творческое отношение к образам Мольера оберегает их от унылого ремесленного штампа, от пустых и выхоленных приемов, обогащает им новую жизнь. Почти все роли в большой или меньшей степени получили именно такое толкование, такую актерскую интерпретацию, которая помогает увидеть